

ГДЕ ЖИВЁТ «АУ»?

БОЛЬШОЙ МАЛЬЧИК

В деревне, где жил Данилушка, жили и другие люди. И все они работали: кто на тракторе, кто на машине, а один — дядя Толя — всегда работал на лошади. Мимо Данилушкиного дома он каждый раз проезжал в телеге рано утром, а потом возвращался с полным возом зелёной травы. Потом он снова проезжал в порожней телеге за травой.

Данилушка встречал и провожал дядю Толю. Ему нравилась большая, сильная лошадь. Когда она провозила телегу мимо дома, то от её копыт дрожала земля и в окнах звенели стёкла.

Однажды дядя Толя остановил лошадь и спросил:

— Мальчик, как тебя зовут?

— Данилушкой меня зовут, — ответил Данилушка.

— А ты хочешь прокатиться со мной? — спросил дядя Толя.

— Хочу, — ответил Данилушка.

— Скажи маме, что ты поедешь кататься, и приходи ко мне, — сказал дядя Толя.

Данилушка вбежал в дом и закричал:

— Мама, мама, можно мне кататься на лошадке? Мама посмотрела в окно и сказала:

— Можно.

Данилушка выбежал на улицу. Дядя Толя посадил его в телегу и дал в руки вожжи.

— А это что? — спросил Данилушка.

— Это вожжи, — ответил дядя Толя. — Ими управляют лошадью. Потянешь левой рукой за вожжу — лошадь повернёт влево, а правую потянешь — вправо направится.

— А почему она не идёт? — спросил Данилушка. — Я кататься хочу.

— Надо сказать ей идти, она пойдёт, — ответил дядя Толя.

— Иди, лошадка, — сказал Данилушка.

— Надо сказать: н-но, Мальчик, — подсказал дядя Толя.

— Но, Мальчик, — сказал Данилушка.

Лошадь оглянулась и потянула за собой телегу. Данилушка от радости запрыгал и сказал:

— Поехала! Но, Мальчик! — Данилушка повернулся к дяде Толе, спросил: — А кто мальчик? Я мальчик?

— Нет, — ответил дядя Толя, — Мальчиком зовут лошадь.

— А она большая, — сказал Данилушка. — Большие не бывают мальчиками.

— Это у неё имя такое, Мальчик. Тебя зовут Данилушкой, а лошадь Мальчиком, — объяснил дядя Толя.

— А её можно звать Большим Мальчиком? — спросил Данилушка.

— Можно, — ответил дядя Толя.

Данилушка задёргал вожжами, стал понукать лошадь:

— Но-о, Большой Мальчик.

За деревней был просторный луг с зелёной травой. Дядя Толя сказал Данилушке натянуть правую вожжу. Большой Мальчик свернул с дороги и повёз телегу по лугу.

— Приехали, — сказал дядя Толя. — Останавливай Мальчика.

— Приехали, — сказал Данилушка. — Останавливай Мальчика. Нет, останавливай Большого Мальчика. — Данилушка задёргал вожжами, закричал: — Э-эй, Большой Мальчик! Останавливайся, Большой Мальчик.

Большой Мальчик не остановился, повёз телегу по траве. — А он не хочет останавливаться, — сказал Данилушка.

— Ты не так его останавливаешь, — сказал дядя Толя. — Ты натягивай вожжи и говори: «Тпру-у, Мальчик».

— Нет, я так не умею, — сказал Данилушка.

— А ты учись. Натягивай вожжи — я скажу за тебя нужные слова.

Данилушка изо всех сил натянул вожжи. Дядя Толя сказал: «Тпру». Большой Мальчик остановился.

— А куда теперь? — спросил Данилушка.

— Теперь побегай по траве, а я накошу сена, положим на воз и поедем назад.

Дядя Толя разрешил Большому Мальчику есть траву, а сам взял косу и стал валить траву в большие ряды.

Данилушка побоялся заходить в высокую траву, спросил:

— Дядя Толя, а можно я на вашей травке поиграю? Можно мне домик сделать?

— Можно, — ответил дядя Толя и предупредил: — Играй, а ко мне близко не подходи. Коса острая, может тебя подкосить.

— Нет, не буду подходить, — ответил Данилушка.

Он стал строить дом из зелёной травы, но не успел достроить. Дядя Толя кончил косьбу и стал вилами складывать траву на телегу. Когда вырос воз, не стало травы на земле, дядя Толя посадил на воз Данилушку, сел сам и они поехали назад — повезли телятам свежий зелёный корм.

Данилушка снова держал вожжи. Большой Мальчик послушно вёз по дороге воз.

СОННЫЙ ТРОСТНИК

Проснулся однажды Данилушка, посмотрел за окно, а там всё мокрое, на дороге лужи. С деревьев и с проводов падали капли, и от них в лужах вздувались большие пузыри.

— Мама, дождик идёт, — сказал Данилушка.

— Дождик шёл ночью, а теперь не идёт, остановился, — ответила мама.

— А мне можно гулять? — спросил Данилушка.

— Можно гулять, разрешила мама. — Сейчас мы с тобой сходим на

реку, посмотрим, какая она стала после дождя, позавтракаем, а потом будешь гулять.

Пришёл Данилушка с мамой к реке, посмотрел на другой берег, а там белый туман все кустики спрятал. Воды в реке много, и тёмная она стала.

— Ну, Данилушка, какая теперь река после дождя стала? — спросила мама.

— Мокрая и чёрная-чёрная, — ответил Данилушка и стал бросать с мостков маленьким рыбкам крошки. — Мама, а сухая река бывает? — спросил Данилушка.

— Сухая река бывает в пустыне, — ответила мама.

— А где пустыня? — спросил Данилушка.

— Там, где песка много-много, а трава и деревья не растут, — объяснила мама.

— А почему не растут? — спросил Данилушка.

— Потому что там нет земли и воды.

— А почему нет воды?

— Потому что там горячий песок, жарко очень и высыхают реки.

— А жарко очень какое? — спросил Данилушка.

— Всё, достаточно почему-то, — ответила мама. Данилушка рассмеялся, но сразу перестал смеяться, бросил из руки рыбкам крошки и сказал маме:

— Мама, мамочка, а посмотри, посмотри. Травка спать легла.

— Это не травка, — ответила мама. — Это тростник.

— Это тростник, — повторил Данилушка. — А почему он спит?

— Он не спит. Ночью шёл дождь и намочил его метёлочки. Стебелькам тяжело стало, и они склонились от тяжести.

— А они расклонятся?

— Да, они поднимутся, выпрямятся, когда с них вода стечёт, обсохнут.

Данилушка снова стал кормить рыбок. Вдруг подул ветерок. С деревьев и кустов упали на реку дождевые капли. В тростнике зашумела, забулькала вода. Тростник закачался и вдруг стал выпрямляться, стал выше.

— Мама, посмотри. Он проснулся! — обрадовался Данилушка.

— Не совсем проснулся, но уже поднял метёлочки, — сказала мама. — Солнышко выйдет, он опять будет прямо стоять и шептаться — сказки сказывать.

— Он сказки знает? — удивился Данилушка. — А мне можно послушать сказки?

— Можно будет.

— Я тихо буду слушать, — сказал Данилушка.

Он вернулся с мамой домой и рассказал папе, что видел на реке сонный тростник, что теперь он просыпается, а когда солнышко выйдет, тростник станет сказывать сказки. Он пойдёт с мамой слушать их. Тростник рассказывает сказки, когда сухо бывает, а когда не сухо, он

спит.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ДЯДЯ МИША

Однажды в мае папа взял с собой на рыбалку Данилушку и повёз его и рыболовные снасти к большому речному острову, заросшему деревьями и высоким тростником. Папа сидел на вёслах. Данилушка держал нитку, за которую был привязан красивый игрушечный кораблик, и управлял корабликом. На небе было солнце, и от солнечных лучей река была весёлая. По берегам в лесу пели разные птицы. Из камышей поднимались дикие утки и летали над рекой. У широких зелёных листьев кувшинок, похожих на блины, плескались рыбки.

Данилушке надоело управлять корабликом, он вытянул его из воды и стал ладошкой плескать воду.

— Данилушка, не шали, — сказал папа. — А то упадёшь в воду.

Данилушка не послушался. Папа отпустил вёсла, взял шнур и привязал Данилушку за ногу к большому железному кольцу на дне лодки.

— Вот так, — сказал папа. — Теперь можешь бултыхаться, никуда из лодки не вывалишься.

Папа не останавливал больше Данилушку, быстро грёб вёслами, спешил к острову.

У острова папа осмотрел заводи и сказал шёпотом:

— Вот тут и заякоримся. От ветра будем спрятаны, и окна хорошие вокруг.

Данилушка посмотрел вокруг и нигде ни одного окна не увидел, и даже ни одного окошка не было ни вблизи, ни вдалеке. Он спросил:

— Пап, а где же окна-то?

— А вот они. — Папа взял удилище и концом показал на круглые, словно проруби, не заросшие кувшинками ому-точки. — Это у рыбаков называется окнами. Я брошу в такое окно крючок с червяком, а рыбка схватит червяка, потому что в этом окошке, где нет травы, он хорошо ей виден, и попадётся на крючок.

Папа привязал нос лодки к камышам, а за корму спустил тяжёлый якорь, настроил удочку и стал рыбачить.

— Сядь и сиди смиренно, — сказал папа. — Теперь нельзя ни громко разговаривать, ни стучать, ни качать лодку.

Данилушка посидел с минуту не двигаясь, спросил:

— Пап, а что мне делать?

— Сиди и смотри.

— А на чего мне смотреть?

— На всё, что увидишь.

— А я ничего не вижу.

— Этого не может быть, — сказал папа. — Вон за рекой кусты растут, а на поле цветы жёлтые. Смотри и не мешай мне, не пугай рыбу.

Данилушка посмотрел за реку на жёлтые цветы, зевнул да так и замер с раскрытым ртом. За рекой из-за куста вышел дядя в шубе, сошёл

с берега к воде и поплыл к лодке.

— Пап, пап, дядя плывёт, — зашептал Данилушка. Папа взглянул на реку, выхватил из воды леску с крючком и червяком, быстро положил удочку в лодку, взялся за вёсла и сорвал лодку с места. Вывел её из бухточки на речной простор. Дядя проплыл несколько метров, вернулся к берегу, вылез из воды и весь встряхнулся. От водяных капель вокруг дяди вспыхнула разноцветная радуга. Папа свистнул и сказал:

— Михал Иваныч, рано купаться начал, вода холодная. Дядя повернулся и пошёл за кусты. Папа подал лодку к

бухточке, но снова вернул на протоку. Дядя вернулся и опять сошёл к воде.

— Но-но, ты! Смотри не балуй, — предупредил папа и свистнул в четыре пальца.

Дядя выпрыгнул на берег, приложил правую руку ко лбу и из-под ладони посмотрел на лодку. Папа встал и свистнул снова. Дядя вдруг опустился на четвереньки и поскакал вдоль берега к тёмному лесу.

— Пап, смотри, смотри, у дяди четыре ноги! — закричал Данилушка.

— Хороший дядя, — ответил папа. — Четвероногий дядя Миша — медведь. Рыбалку испортил мне косолапый.

— Это медведь? — спросил удивлённо Данилушка.

— Да, это настоящий медведь, — ответил папа. — Я и с якорей сняться забыл, думал, он на нас поплывёт, рыбки у нас в долг взять.

— Медведь. А я думал, это дядя, — сказал Данилушка. — Пап, а ты боишься медведей? — спросил он.

— Испугался, как видишь. Такой подплывёт, за лодку схватится да перевернёт её.

— Пап, а я не боюсь медведей, — сказал Данилушка.

— Это хорошо, — похвалил папа. — Звери сами боятся человека. А я выплыл на широкую воду на всякий случай, мало ли что со зверем может быть. Вдруг его кто ранил, тогда он, как ни свисти, не испугается тебя.

— А я всё равно не боюсь его, — повторил Данилушка и сказал: — Пап, давай поедem домой, а то мне теперь совсем делать нечего.

Папа выбрал в лодку якорь, отвёз Данилушку домой и один отправился рыбачить, а Данилушка дома рассказывал маме про четвероногого дядю Мишу-медведя.

РЕЧОНЯ

Однажды Данилушка купался в реке и очень перепугался, когда в воде кто-то погладил его ногу. Он выбежал на берег, сел на песок и долго смотрел на речную воду, ждал, не вынырнет ли кто-нибудь с речного дна на поверхность реки. Он видел, как бегал по реке ветерок, как вылетали из воды мушки, мелькали маленькие рыбки, над камышами трепыхали крыльями синие стрекозы, а в стороне от пляжа лежали на тёплой воде зелёные листья кувшинок и желтели кубышки.

Данилушкина мама лежала на песке и читала книжку. Перед купанием она прочитала Данилушке вслух из его книжки рассказ о

морском боге Нептуне, живущем на дне моря. Свою книжку мама читала про себя, только смотрела на буквы и ни словечка не произносила. Когда мама долго читала молча, то Данилушке делалось скучно и он придумывал разные вопросы, заставляя маму разговаривать с ним.

Из воды так никто и не показался Данилушке. Он подошёл к маме и спросил:

— Мама, а в речке бог есть?

Мама посмотрела на речку и сказала:

— Этого я не знаю. Спроси у папы.

— А если папа не знает, у кого спросить? — осведомился Данилушка.

— Папа должен всё знать, — ответила мама. — А если не знает тоже о речном боге, то спросишь потом у бабушки Груни. Она всю жизнь у реки прожила, наверное, сможет тебе ответить.

Данилушка направился к дому на поиски отца, но увидел на лужайке бабушку Груню, свернул с тропинки к ней. Бабушка Груня кормила свою белую козу сорной огородной травой. Данилушка поздоровался с бабушкой и спросил:

— Бабушка Груня, а скажи: у речки бог есть?

— Не видала, мой соседушко, не видала, — ответила бабушка, отдавая козе последнюю траву. — А зачем он тебе понадобился, речной бог-то? — спросила она.

— Я купался, а он ногу мою погладил, — ответил Данилушка.

— Выдумал, поди, — сказала бабушка. — Травку какую задел, или рыбка скользнула мимо. Что зеленью, что рыбкой речка полна.

— Правда, бабушка, правда, травка была! — подтвердил Данилушка и заговорил: — Бабушка Груня, мне мама в книжке читала о морском боге. Он всегда-всегда в море живёт. А почему же в речке-то нет бога?

— Стало быть, так надо, — ответила бабушка. — А может быть, есть, да кто его видать может под водой-то? погоди... погоди, соседушко. Совсем-то я забыла. Пойдём у дома на плашке посидим, я тебе и расскажу про него. Как же, как же, слыхала я про него. Речоней он зовётся...

Подошёл Данилушка к дому бабушки Груни, уселся рядом с ней на чёрную дубовую плаху и стал слушать её рассказ о речном боге Речоне.

— Давно это, правда, было. Жил тут у нас один старичок рыбачок. Всё-то он на реке пропадал. Когда ни глянешь — то он на берегу, то в лодке. Снастей хитрых у него не водилось. Одной удочкой охоту на рыбу держал. Люди, бывало, спят, а дедушка Афанасий — так он звался — туман по реке вёслами разгоняет и удочку забрасывает...

— А зачем туман разгонять? — перебил Данилушка рассказчицу.

— Затем разгонял, чтобы видеть всё на воде. В тумане и поплавочек не разглядишь. Проснутся люди, поглядят, а на речке чисто, по ясной воде далеко видать. Там и дедушка Афанасий на глазах делом рыбацким занимается, знай себе потаскивает рыбку в лодку, что ни потаска, то

одна другой крупнее. Не рыба — чистое серебро! Дивятся люди, с чего дед Афанасий такой везучий, в толк взять не могут: каким путём рыба к нему идёт? Другие пробовали и рядом с ним сидеть с удочками, и поодаль рыбачили, а рыбы и не видали. Порешили тогда, что дед Афанасий колдовское слово знает. Только он на такие подозрения и слова посмеивался себе в усы и дела не бросал. Подсылали к деду то того, то другого, тайну выведать. Многого не узнали шпионы, а только услышали от задачливого рыболова, что Речоню надо почитать, тогда и рыбка ловиться будет и большая, и маленькая.

Пошли люди толки разводить: что за житель такой на реке объявился — Речоня? Сколько жили — слухом не слыхивали о таком, а видеть и подавно не видывали. Мальцы стали за дедом Афоней вязаться, чтобы Речоню поглядеть. Мальцов дедушка любил — им-то он и открыл тайну, кто такой Речоня да какое уважение ему требуется...

— А кто он, бабушка? — спросил нетерпеливый Данилушка.

— Житель речной. Бог не бог, а, верно, хозяин. Дедушка Афанасий с ним-то и водил дружбу.

— А как он водил? — снова перебил бабушку Данилушка.

— От ты какой нетерпеливец — сбиваешь меня, — упрекнула бабушка Данилушку. — Всё, что известно мне, и ты узнаешь. Ничего не утаю от тебя.

Данилушка вздохнул виновато, сказал:

— Я не буду больше спрашивать.

— Ну, так вот как дедушка Афанасий дружбу с Речоней водил: корзиночка у него из прутиков сплетённая была с крышечкой, с собой он брал её всегда и — прежде чем удочку забрасывать — корзиночку эту на верёвочке в воду опускал. А корзиночка-то была не пустая, а полным-полна кушаньем. Был в ней и пирожок, и творожок, желточек яичный и кашка, на молоке сваренная. И всё-то шло на угощение Речоне. Утром отзавтракает Речоня, поглядит, кто его угостил вкусно, того и благодарит, отдаривает рыбкой хорошей. Этого добра у него полная река. Выберет он лучшую и посылает в садок своему благодетелю. Добром за добро платил. Вот какой он Речоня в реке нашей живёт.

— А, знаю, знаю, бабушка, кто меня погладил в воде по ноге: Речоня! — воскликнул радостно Данилушка. — Я ему сушку дал... А он говорить умеет?

Есть у него язык, только свой, рыбам понятный, — ответила бабушка Груня.

— Бабушка, а какой он, Речоня? Он большой? — спросил Данилушка.

— Большим ему быть нельзя. Он мал, да силён, тощ, да быстр. Большим его все замечали бы, охоту на него устроили бы, сетями опутали бы, а он через любую ячею проходит, под любой коряжкой укрывается. Ну, запутается где, так силой рвёт — ломит всё. А быстрота ему служит на всей реке хозяйничать. Река-то наша не один километр

тянется, тихоне где ж её всю обежать.

— А тощей он почему, бабушка? — спросил Данилушка.

— От воды тощей, — ответила бабушка. — В воде живёт — весь жирок водой вымывается.

— А он с бородой, бабушка Груня? — спросил Данилушка, забыв о своём обещании не перебивать бабушкину речь.

— С бородой, соседушко. Борода у него зелёная и длинная. В бороде-то он и прячется, где растений речных не бывает.

— Бабушка, а мне Речоня рыбку даст? — поинтересовался Данилушка.

— Угостишь его — даст. Он добрый. А ты удочку-то в руках держать умеешь? — спросила бабушка Груня.

— Умею. И удочка у меня есть, купленная, — гордо ответил Данилушка.

— Купленным не похваляйся, — оговорила бабушка, — купленное не своими руками сделанное. Дедушка Афанасий сам себе удочки мастерил. Сам и орешины растил на это — и с рыбкой всегда был.

Данилушку позвала мама. Он встал с дубовой плахи, спросил:

— Бабушка, можно я пойду — мама меня зовёт?

— Иди, соседушко, иди. Спасибо, что пришёл, дал старой бабке отдохнуть. Одна-то я и не присела бы, всё копошилась бы... Не забывай меня, приходи ещё.

— Приду, бабушка. А удочку я себе тоже сам сделаю, — пообещал Данилушка и побежал к реке на мамин голос.

ДОБРЫЙ ДРУГ

Данилушка встретил отца, ездившего в город, и поспешно рассказал ему, что в реке живёт Речоня, что он будет с ним дружить, что будет его угощать, как угощал дедушка Афоня, что ему надо сделать удочку и ловить рыбку.

— Ну, ты так быстро, Данилка, говорил, что я толком ничего не уразумел. Что за житель у нас в реке объявился?

— Ну, Речоня же! Как ты не знаешь? Бабушка Груня рассказывала: в речке живёт Речоня. Это человек такой. И кто с ним дружит, гостинцев ему даёт, тому он рыбку на удочку прицепливает. Понял теперь? — спросил Данилушка.

— Теперь понятнее стало. Стало быть, бабушка Груня рассказала тебе сказку...

— Нет, пап, это правда. Дедушка Афоня был — давно-давно — он видел и сам дружил с Речоней. Речоня ему всегда рыбу давал. Да, пап! Бо-ольшую!

— Понятно. Ты тоже хочешь дружить с Речоней? — спросил отец.

— Хочу. Только мне нужно сделать удочки и корзиночку с крышечкой, — объяснил Данилушка.

— Удочка есть сделанная, купленная тебе...

Нет, пап, — перебил Данилушка отца, — нужно самодельную.

Бабушка Груня сказала...

А корзинку, да с крышкой ещё, зачем? — спросил отец.

В корзинку дедушка Афоня клал пироги, конфетки, пирожное, шоколадки в гостиницы Речоне. Верёвочку привязывал и опускал ему в воду. И удочку бросал. Речоня ему на крючок рыбку цеплял, — объяснил Данилушка.

Всё понятно, — ответил Данилушке папа и спросил: — Так когда надо заниматься этими делами?

Скорее, пап, надо заниматься. Речоню, пап, давно никто не угощает. Он теперь совсем-совсем худущий стал, — а у него знаешь как много дел? Он на всей речке хозяин.

— Что ты говоришь! — удивился папа и пообещал: — Ну, раз так, тогда сразу и приступим к делу.

Сам Данилушка ещё не смог бы сделать удочку и главное — приспособление под гостинцы Речоне. Вместе с отцом у него получилась хорошая рыболовная снасть, с которой они и отправились на реку. Только вместо корзины с крышкой они изготовили мешочек из сетки с маленькими ячейками, положили в него сухарей, каши, привязали мешочек к камню и поплавку на длинной леске, захватили баночку с червями.

— Пап, а как я на лодке поеду? — спросил Данилушка на берегу.

— Я думаю, сначала надо попробовать с мостков, — ответил папа. — Проверим, примет ли Речоня наше угощение.

Данилушка не умел ещё и червячков надевать на крючок, поэтому всё пришлось делать папе за него. Он забросил в реку гостинцы, наживил удочку и вручил её Данилушке.

— Ну, рыболов, забрасывай снасть и жди улова, — сказал папа и уступил Данилушке место на мостках.

Данилушка видел, как мальчишки ловили рыбу, не раз рыбачил и с отцом и потому удачно забросил крючок с приманкой к большому поплавку от мешочка с гостинцами. Речная вода забурлила от рыбёшек, понесла поплавок от удочки, который вдруг закачался, понырял и скрылся под воду.

— Подсекай! — крикнул папа. Данилушка дёрнул удилище.

Крючок зацепился за что-то тяжёлое, леска натянулась, удилище согнулось в дугу и потащило маленького рыбака к воде.

— Папка, Речоня! — крикнул Данилушка и спрыгнул в воду.

— Тяни к берегу! — крикнул Данилушке отец и подбежал к нему. — Рыба клюнула! Молодец твой Речоня!

Данилушка повернулся, перекинул на плечо удилище и заспешил к берегу. На поверхности воды показалась крупная рыба. Она лежала на боку и скользила по воде за Данилушкой.

— Выбегай на берег, — сказал отец.

Рыба оказалась на сухом берегу, отцепилась, полежала и трепыхнулась, отскочила к воде.

— Держи её, Данилка, хватай! — командовал отец. Данилушка смотрел на рыбу. Он боялся её, и было жалко

такую красивую рыбу хватать, лишать воды. Отец подбежал к ней, выставил руки, наклонился, но рыбу схватить не успел. Она трепыхнулась ещё раз, плюхнулась в воду и поплыла тихо от берега на глубину.

— Упустили! — махнул расставленными руками отец. — Эх, рыбаки, рыбаки! И ты тоже стоишь... Так не рыбачат...

— Пускай, пап, — сказал Данилушка. — Мне Речоня ещё подарит рыбку. Он же теперь меня знает. Я с ним дружить всегда-всегда буду.

— Ну ладно! Не будем тужить. Пусть живёт, — сказал отец и спросил: — Ты ещё будешь рыбачить?

— Нет, пап. Я пойду маме скажу, какой подарок мне подарил Речоня, — сказал Данилушка.

— Я тоже не могу сейчас рыбачить. Дела у меня есть. На утренней зорьке выйду.

Они смотали удочку и, счастливые, направились к дому.

ХОДИЛИ ВАЛЕНКИ ПО НЕБУ

Однажды утром Данилушку разбудило солнышко. Он прошёлся вокруг стола, посмотрел в конфетницу. Конфетница была пустая. Он вышел на улицу, чихнул от яркого солнца и направился в сад. Вдруг за малиной он увидел чудо. От этого чуда он даже остановился, не мог идти и говорить. За малиной по небу шли валенки. Впереди шагали маленькие валеночки — его, за ними следовали валенки побольше — мамины, а завершали шествие самые большие, размятые сильнее других — папины.

Данилушка посмотрел на свои ноги. Они были на месте, — значит, валенки кто-то надел другой. Он вышел за малину и увидел ограду. На колья были надеты валенки. Издали казалось, что они идут по небу, а они никуда не шли, потому что колья ходить не могут. Данилушка отправился к маме и рассказал ей о валенках, а потом спросил:

— Мама, а зачем валенки на кольях?

— Они сушатся на солнце, чтобы в них не завелась моль.

— А я думал, они ходят по небу, — сказал Данилушка.

— А ты так и думай, как думал.

— Понарошку думать? — спросил Данилушка.

— Да, понарошку...

— Мама, а куда они ходили?

— Придумай сам.

— А, знаю, — обрадовался Данилушка. — Они ходили в небесный сад сначала, потом они ходили в небесную речку купаться, потом ходили в небесный лес за небесными ландышами...

Много дел напридумывал Данилушка валенкам. Мама похвалила его за хорошие придумки.

ГДЕ ЖИВЁТ «АУ»?

Взял папа Данилушку в лес за грибами. Сначала они в лодке речку переплыли, потом на горку по песочку прошли, а потом и в лес попали.

В лесу росли большие сосны и маленькие сосенки. Под сосенками и на полянках грибы стояли. Радостно стало Данилушке в лесу. Он побежал по полянке и потерялся за сосенками от папы.

— Папа, где ты? — крикнул Данилушка.

— Ау-у! — ответил папа.

«Ау-у!» — крикнул кто-то за большими соснами. Данилушка послушал все «ау-у» и не понял, куда ему идти. Он опять крикнул:

— Папа, где ты? Ау-у!

— Здесь я! — ответил папа.

За большими соснами повторил кто-то: «Здесь я!» А с других сторон донеслось: «Весь я! Весь я!» Испугался Данилушка, заплакал. Из-за сосенок вышел к нему папа, спросил:

— Данилушка, ты почему плачешь?

— Да, там, и там, и там «ау» кричит, — ответил Данилушка и показал на большие сосны и в другие стороны.

— Это же я тебе кричал, — ответил папа. — Я крикнул, а там эхо отозвалось.

— Нет, там «ау» кричало, — возразил Данилушка. — А где живёт «ау»?

Здесь живёт, где мы с тобой стоим, - - ответил папа. — Ау, Данилушка! — крикнул папа.

«Ау, Данилушка!» — опять ответили большие сосны в разных сторонах.

— Это наше «ау» гуляет по сосенкам и с нами перекликается, — объяснил папа.

— А зачем перекликается? — спросил Данилушка. Затем, чтобы нам весело было в лесу, — ответил папа

и стал собирать грибы, а Данилушка закричал:

— Ау, папа! Ау-у, мама! Ау-у, бабушка! Ау-у, дедушка! И большие сосны отвечали ему.

КТО СТУЧАЛСЯ В ОКНА

Лето шло, шло, а потом стало проходить. На берёзках листва пожелтела. С яблонь в саду яблоки на землю нападали. Рябина стала оранжевая и почти вся красная. Скворцы прилетали завтракать и ужинать рябиной. Дети в речке не купались больше. И Данилушка не купался, только ходил с папой или с мамой лицо и руки умывать утром после сна.

Летом Данилушка просыпался, когда солнце жарко горело во всех окнах дома, а когда лето пошло на убыль, оно было за домами и за деревьями, светило лишь в два оконца. Просыпаться Данилушке без солнца не хотелось, казалось холодно. Он прятался под одеяло и ждал солнечного тепла. А когда небо бывало в тучах, то он и глаза боялся открывать.

Однажды Данилушка досыпал, вдруг в окно кто-то постучался. Он

открыл глаза, посмотрел, но никого не увидел. Он опять закрыл веки, но снова кто-то постучался: тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Данилушка посмотрел одним глазком. За окном никого не было. Но постучались так же в другое окно, где опять он никого не увидел. А пока Данилушка смотрел на второе окно, постучались в третье. Он подбежал к окну и проговорил:

— Никого нет, а стучалось.

Данилушка оделся и вышел в огород. На грядках он увидел морковь и лук.

Выдернули, — пожалел Данилушка, — Бедный лучок, бедная морковь.

В огород пришла мама с кошёлкой. Данилушка спросил:

— Мама, а кто выкопал морковь с луком?

— Я выкопала, — ответила мама.

— А зачем? Им больно, — сказал Данилушка.

— Выкопала я их потому, что осень наступила, холодно стало. Морковь и лук и все овощи выросли, их надо убрать в погреб, в тепло. Здесь Их мороз поморозит, если оставить на грядках.

Данилушка хотел спросить: а почему? — но вспомнил, что его заставило подняться с кровати, сказал:

Мама, а к нам кто-то стучался в окна. Ты не стучалась?

— Не стучалась, — ответила мама.

— А папа тоже не стучался?

— И папе некогда было стучаться, — ответила мама. — Это тебе слышалось.

— Нет, мама, не слышалось, — ответил Данилушка. — Я сам видал.

— Если видел, то ты должен знать, кто там стучался в окна.

— Он спрятался, и я не видел, — ответил Данилушка.

— Надо, значит, ещё посмотреть, — посоветовала мама Данилушке. Сейчас осень, а осенью много разного шума появляется.

— А какого? — спросил Данилушка.

— Всего не перечешь. То утиная стайка пронесётся, крыльями просвистит в воздухе, то шумнут скворцы, сев на дерево, то лист упадёт и прошуршит по крыше, то дятел в скворечнице или на липке постучит...

— Я видел дятла, — перебил Данилушка маму. — Ладно, мама, я посмотрю сам, кто стучался к нам, и тебе потом скажу, ладно?

— Хорошо, — ответила мама. — Я рада буду узнать, кому вздумалось к нам стучаться и притом прятаться.

Данилушка завтракал и смотрел в окно.

На полянке за дорогой паслась коза Беля, а на большом поле щипали траву овцы. Данилушка положил ложку и подошёл к окну.

— Мама, мама, посмотри, — закричал он, — там скворцы катаются на овцах!

— Ах, сиди кушай, — сказала мама. — Вечно ты выскакиваешь из-за стола. Скворцы не катаются, а выклёвывают из овечьей шерсти мушек

да семена трав с бурьяном...

На окно вдруг села птичка. Мама объясняла Данилушке, как в овечью шерсть попадают разные семена, но он не слышал её слов. Он смотрел на птичку. Птичка тоже посмотрела на Данилушку и клювиком постучала в раму: тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

— Мама, мама, — закричал Данилушка, — знаю теперь, кто там стучался! Птичка стучалась.

Птичка перепорхнула на второе окно. Мама увидела её и узнала.

— Это синичка, — сказала она. — Осенью синички из лесов прилетают в деревню и кормятся в садах до весны.

— А зачем она стучится? Она есть просит? — спросил Данилушка.

— Она мошек из трещинок выклёвывает, — ответила мама. — Сейчас ей корма хватает. А когда наступит зима, тогда надо будет помогать им, наполнять кормушки кормом.

— И я буду наполнять? — спросил Данилушка.

— Теперь ты будешь наполнять, — ответила мама. — Ты стал большой и справишься с этим делом.

Синица постучала во все окна и улетела. Данилушка сел доедать кашу. Скоро опять раздался стук в окно.

— Не стучи. Я зимой тебя буду кормить, — сказал Данилушка. — У меня будет много кормушек, и я буду всех-всех птичек-синичек кормить.

ВОРОБЬИНАЯ ПЕРИНА

Была осень. С деревьев опали все листья. Когда было сухо на улице, ветер гонял листья по дороге, сметал их в канавы и в траву. Данилушка ходил по листьям и слушал, как они шуршат под ногами. В дождь листья намокали и не шуршали, и тогда становилось скучно. Данилушку одевали тепло, кутали и наказывали не простужаться. Но он не замерзал и не боялся, что простудится.

Однажды в солнечный день Данилушка посмотрел на ласточкино гнездо под крышей дома и не увидел ласточек. Не было их и на проводах, где они любили сидеть рядком. Не летали и в небе, над садом и над речкой. Ещё не оказалось и скворцов. Они тоже садились на провода, на деревья и так дружно и громко пищали, что даже мешали разговаривать. Не стало в саду и сереньких, и жёлтеньких птичек, остались синички да воробьи, а ещё стало много сорок и ворон летать у домов. Данилушка догадался, что все птицы улетели на юг, в тёплые края, остались лишь зимовать зимние птицы.

Данилушка уже знал о зимних птицах. Им делают кормушки и насыпают в кормушки зимой разных зёрен, кладут хлеб и булку, чтобы они были сыты, когда им бывает трудно кормиться, потому что все насекомые прячутся под снегом и забиваются спать под толстую кору деревьев, в глубокие щели и трещины стен и столбов.

К крыльцу подошла курица, встряхнулась и направилась в сад, копать в земле под яблоней. От курицы осталось у крыльца перышко. Не успела курица отойти от крыльца, как с липы слетел на землю

воробей, схватил клювом перышко и унёс его на липу.

Данилушка удивился: зачем осенью воробью понадобилось перышко? Весной он вьёт гнездо своим птенцам, утепляет гнездо сухой мягкой травкой, и перышками, и пухом. Осенью никакие птицы не вьют гнёзд. Данилушка спрятался за стенку крыльца и стал следить за воробьем.

Солнце закрыло тучей, дунул холодный ветер. В воздухе замелькали снежинки, упали на листья, на стенки и сразу растаяли. Воробышек по веткам подскакал к толстому стволу липы, сел на сухой пенёк давно отломанного сука, чирикнул и спрятался с перышком в дупло возле пенька, потом выглянул из дупла, посмотрел на землю и выпорхнул на ветки. Данилушка сходил в дом, рассказал маме о воробьиной охоте на перышки и спросил, зачем воробышек вьёт себе осенью гнёздышко.

— Воробышек себе к зиме перину делает, — ответила мама Данилушке. — Нашёл он себе дупло, облюбывал для домика, а гнезда там нет. Вот он и утепляет дупло, чтобы зимой ему не замёрзнуть в нём.

— А воробышек зимой в гнёздышке живёт? — спросил Данилушка.

— Днём он летает по садам, по улице, кормится, а ночью спит в гнёздышке. Одни скворечник занимают, другие под крышами находят пристанище, а иной дупло найдёт, как этот.

— Мама, а можно воробышке дать пёрышек? — спросил Данилушка. — Можно ему подушечку отдать, маленькую, с дивана?

— Подушечки ему много будет, а пёрышек найдём. Я сделала новую наволочку на одну подушку, а старая вся в перьях, на тряпку отложена. Ты им повесь эту наволочку на забор — и пусть они выбирают из неё пёрышки себе на перину.

Данилушка вынес старую наволочку из дома, повесил её на забор и спрятался на крыльце. Воробышек сразу слетел на забор, радостно пощебетал, помахал крылышками и перелетел на наволочку. Он выдернул из неё перо и отнёс к дуплу, потом прилетел снова и носил перо за пером в свой домик на липе много раз. А когда стало темнеть, воробышек спрятался с воробьиной в тёплое дупло, и спали они там на новой мягкой перине до утра.

Данилушка узнал, что и осенью вьют воробышки гнёзда, только не для птенцов, а для себя, на зиму. А весной это гнёздышко годится и их птенцам, воробьятам.

ДАНИЛУШКИНЫ ГОСТИ

Жила в деревне белая собачка Тукки. Она бегала по дорожке под окнами Данилушкиного дома и не останавливалась. Однажды Данилушка вышел из дома, когда Тукки бежала куда-то по своим делам. Он позвал её:

— Тукки, Тукки.

Данилушка подставил Тукки ладошку. Тукки подумала, что мальчик хочет её угостить, и подбежала к нему. На ладошке у Данилушки ничего не было, но Тукки лизнула её и вдруг радостно завиляла хвостом,

попросила ещё раз лизнуть руку.

Данилушка боялся, что Тукки укусит его за палец. У Тукки было много острых клыков, но она осторожно облизывала его руку, смотрела ему в глаза и говорила «спасибо».

Тукки очень понравилась Данилушкина рука, потому что она была сладкая. Данилушка после завтрака получил от мамы конфету и областил конфетой руку, а Тукки любила всё сладкое.

Данилушка ушёл в дом, чтобы сказать маме, что он давал Тукки свою руку, а ещё сказать, что Тукки хорошая собачка и не кусается. Когда Данилушка вышел снова на улицу, Тукки уже не было у порога.

— Мама, Тукки убежала, — сказал Данилушка. — Куда она убежала?

— Куда-нибудь в гости, — ответила мама. — Она снова придёт к тебе.

— А ей можно что-нибудь давать? — спросил Данилушка.

— Если придёт, что-нибудь дадим, — ответила мама. Данилушка стал ждать Тукки, никуда не пошёл от дома.

Он смотрел на дорогу. Вдруг на дороге появилась Тукки, а следом за ней бежала другая собачка, Ласка.

Собаки увидели Данилушку и припустились наперегонки. Тукки сразу лизнула его руку, а Ласка села на задние лапы, а передние протянула вперёд и стала облизываться.

— Мама, Тукки пришла и Ласка пришла в гости, — сказал Данилушка маме. — Они чего-нибудь просят.

— Иди возьми им чего-нибудь, — ответила мама.

Данилушка взял в доме два куса сахара и вынес собакам. Он угостил их, а они снова стали просить чего-нибудь.

— Мама, они ещё хотят сахарку, — сказал Данилушка.

— Больше нельзя, — ответила мама. — От сахара зубы болеть будут. Скажи им, пусть в другой раз приходят в гости.

— Приходите в другой раз в гости, — сказал Данилушка. — От сахара зубки болеть будут.

Тукки сразу убежала домой, а Ласка ещё «послужила» перед Данилушкой и тоже вернулась к своему дому.

Вечером Тукки и Ласка снова пришли к Данилушке в гости и опять получили от него по кусочку сахара. С этого дня они стали Данилушкиными гостями.